

ТЕОРИЯ И ТЕРАПИЯ КРИЗИСА: ОТ КРИТИКИ КУЛЬТУРЫ К ПРАКТИКЕ САМОРАЗВИТИЯ

О. А. Власова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 22 ноября 2018 г.

Аннотация: статья посвящена теории кризиса, развитой в рамках экзистенциально-феноменологической традиции мысли. Выстраивается преемственность от теории критики культуры 1930-х гг. и экзистенциальной философии 1940–1950-х гг. к теории и практике психологии и психотерапии. Отмечается, что прикладная теория кризиса включает те же теоретические составляющие (противопоставление человека и общества, постулирование необходимости саморазвития, трактовку кризиса как возможности изменений и пр.) и приводит к формированию ряда важных для практики концептов. Принципиально важной становится связка «аксиология – онтология». На уровне практики она раскрывается как связь ценностного и экзистенциального, когда наличие фундаментальных, онтологически фундированных ценностей оказывается залогом развертывания экзистенции человека. Она также задает уникальность практики терапии: во-первых, ценностный кризис выступает условием и возможностью обращения к онтологическим основаниям бытия, а во-вторых, практика становится не только терапевтической, но и философской.

Ключевые слова: теория кризиса, история философии, теория человека, экзистенциально-феноменологическая традиция, практика, экзистенция, трансценденция, пограничные ситуации.

Abstract: the paper discusses the theory of crisis, formulated by the existential-phenomenological tradition. Author shows the continuity of the theory of culture criticism of the 1930s and existential philosophy of the 1940-50s with the theory and practice of psychology and psychotherapy. It is noted that the applied theory includes the same theoretical points (opposition of man and society, postulation of the need for self-development, the interpretation of the crisis as a possibility of change, etc.) and leads to the formation of a number of concepts important for the practice. A bunch “axiology – ontology” has a fundamental role. On the practice level it supports as the link between value and existentia: fundamental, ontologically grounded values is the key to the development of human existence. It also sets the uniqueness of the therapy: first, the value crisis is the condition and the possibility for the turning to the ontological foundations of being, and secondly, the practice realises not only as therapeutic, but also as philosophical practice.

Key words: crisis theory, history of philosophy, theory of man, existential-phenomenological tradition, practice, existence, transcendence, border situation.

Недовольство современностью, нашедшее в философии выражение в критике кризисных тенденций культуры, на протяжении XX в. ста-

---

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ 17-33-01064-ОГН «Сравнительный концептуальный анализ развития экзистенциально-феноменологической традиции в психиатрии и психологии».

ло общим моментом и излюбленной темой гуманитарных наук. Оно задало тон в толковании образа человека, который стал восприниматься как выживающий в обломках гибнущего времени страдалец, в чем духовном одиночестве только и возможно преобразование ценностей. Эта кризисная модель интерпретации распространилась далеко за пределы гуманитарных наук. Наиболее продуктивную почву для дальнейшего развития она получила в практических науках о человеке – психиатрии, психотерапии и психологии, – где выступила теоретическим плацдармом для выработки новой модели терапии личности.

Терминология экзистенциально-феноменологической психиатрии, психотерапии и психологии показывает примечательные трансформации теории кризиса: от пессимистической теоретической констатации культурного апокалипсиса к оптимистической по своей направленности терапии кризиса личности, от неотвратимой катастрофы к продуктивной временной трудности. Как и другие философские идеи (теории коммуникации, понимающая психология и пр.), теория кризиса здесь начинает новую жизнь.

Философия и психология кризиса

Среди исследователей экзистенциально-феноменологической психологии и психотерапии принято считать, что критическое отношение к современности, характерное для данных направлений, переходит в прикладные пространства из экзистенциальной философии. Основание для таких выводов дают и сами экзистенциальные психологи. К примеру, Р. Мэй напрямую заявляет: «Одной из наиболее ярких черт сходства экзистенциального движения с психотерапией является то, что они затрагивают проблемы человека, переживающего кризис» [1, с. 37]. Однако корни культурного критицизма здесь уходят намного глубже: в философско-культурную критику 1930-х гг. Это родство обуславливает в дальнейшем конструктивность терапевтической практики, построенной на взаимодействии с обществом и культурой, а не на отрицании (как в экзистенциальной философии) всякого обращения к сообществу и группе.

Традиция экзистенциальной психологии и психотерапии признается конгломератом экзистенциальной философии и психоанализа. Однако в обоих этих направлениях мы видим, в основном, негативное отношение к социальной группе и обществу. Разрабатывая свою теорию «мы-бытия», родоначальник экзистенциального анализа Л. Бинсвангер справедливо отмечает, что в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера столкновение безликой группы, *das Man*, и индивидуальности существования конкретного человека является слишком выраженным. «Кроме аутентичного “Я” Хайдеггер видит только неаутентичное “Они” и не допускает возможность подлинного позитивного “бытия-одного-с-другим”, т. е. целостного бытия двух людей, Я и Ты, Мы-бытия», – подчеркивает он [2, S. 217]. В экзистенциальной философии теория взаимодействия человека и общества подчас ограничивается констатацией противостояния и критикой, никакой необходимости выработки путей продуктивных стра-

тегий в этой области не возникает. То же самое Бинсвангер говорит и о теории группы З. Фрейда, для которого отношения «человек–общество» всегда носят потенциально деструктивный характер.

Терапевтическая практика – совсем другое дело. Здесь критика деструктивного характера личностно-социальных отношений оказывается недостаточной и основной задачей становится выработка стратегии взаимодействия, более того, это взаимодействие оказывается залогом успешного развития самой личности.

В целом, кризисная теория прикладной экзистенциально-феноменологической традиции оказывается созвучной критике культуры 1930-х гг. и экзистенциальной критике 1940–1950-х гг. Она включает те же теоретические составляющие (противопоставление человека и общества, постулирование необходимости саморазвития, трактовку кризиса как возможности изменений и пр.) и приводит к формированию ряда важных для практики концептов. Необходимо сразу же отметить, что эта теория складывается именно в экзистенциально ориентированной традиции (начиная с Л. Бинсвангера) и редко присутствует в прикладных феноменологически ориентированных работах.

Поскольку прикладная экзистенциально-феноменологическая традиция переносит теорию кризиса в психологическую плоскость, она начинает отождествлять культуру и человека и описывать уже отмеченные по отношению к культурному пространству трансформации на материале личности. Здесь нужно прежде всего отметить, что еще в 1930-е гг., во время первоначального формирования теории кризиса культуры, «кризис» начинает трактоваться не только и не столько как самостоятельное явление, сколько как та точка, которая позволяет лучше увидеть механизмы становления и пути развития европейской культуры в целом. На этот факт отчетливо указывает О. Шпенглер в короткой работе «Человек и техника»: «Наше видение истории, сама наша способность писать историю, – говорит он, – предательские знаки того, что путь ведет вниз. Лишь на вершине высоких культур, при переходе их в цивилизацию, на мгновение пробуждается этот дар пронизательного познания» [3, с. 459–460].

Вокруг дискурса кризиса, таким образом, начинает вращаться философия истории и философия культуры, а затем философская антропология и этика. Кризис словно становится лакмусовой бумажкой, которая ярко показывает те явления, которые ранее, вне кризисных тенденций, исследователям были незаметны и не попадали в поле рефлексии. Прикладная экзистенциально-феноменологическая традиция идет вслед за этой волной и делает теорию кризиса ядром теории личности и социальной теории взаимодействия личности и группы [4]. При этом онтологическая направленность теории сохраняется и выступает основанием психологически или психиатрически ориентированной терапевтической практики. «Для них важны не отдельные психологические реакции, а скорее психологическое бытие человека существующего, который осуществляет свой опыт, т.е. они используют психологическую терминологию в онтологическом смысле», – пишет Р. Мэй [1, с. 37] об экзистен-

циальной философии. Прикладные экзистенциальные пространства развивают обратную перспективу: используют онтологическую терминологию в психологическом смысле. Для прикладного пространства в связи с этим чрезвычайно значимой становится связка «онтологическое/антропологическое (психологическое)», и в теории кризиса она обыгрывается специфическим образом. Кризис становится основанием терапевтической практики. Терминология кризиса приходит в экзистенциально-феноменологической парадигме на место терминологии болезни: причины, механизмы, последствия происходящих с человеком событий характеризуются не как ненормальное и патологическое, а как кризисное явление.

Описываемая в психологии и психотерапии картина личностного кризиса во многом подобна картине кризиса культурного. В философии культуры основанием кризиса признается изменение экономической модели: переход к поточному промышленному производству и развитие капитализма, которое впоследствии выходит из-под контроля и приводит к бесконтрольному приумножению капитала. Война полностью уничтожает старую экономическую модель, повергнув Европу в череду экономических кризисов, сломив все модели, которые до этого успешно работали и не принесли новых. Вернер Гейзенберг в своих воспоминаниях писал: «Бразды правления выскользнули из рук глубоко разочарованного старшего поколения, и молодые люди сбивались в группы, в малые и большие сообщества, чтобы искать новый, свой путь или хотя бы какой-то новый компас, по которому можно было ориентироваться, потому что старый, похоже, сломался... <...> Теперь старая структура Европы распалась в результате нашего поражения» [5, с. 137, 144].

Новая экономическая модель требует большого количества рабочих рук, и люди стекаются в центры промышленного производства – города. Они утрачивают связь со своим домом, с землей, традиционный уклад и традиционные ценности. Крушение традиционных ценностей – поле кризиса культуры. Оно переживается в культуре как утрата ориентиров, отказ от эталона, исчезновение ценностной системы и развитие ценностного хаоса. На психологическом уровне эти изменения переживаются как смятение и потерянности. В лекционном курсе 1931/32 гг. «О сущности истины» М. Хайдеггер описывает современность как «переворот всего человеческого бытия, у начала которого мы стоим» [цит. по: 6, с. 311].

Утратившее ценностные основания человечество нуждается в руководстве и новой идеологии и таковой становится идеология омассовления, на почве которой вызревает массовая культура. В психологическом отношении массовая культура приводит к стиранию индивидуальности, к конституированию типовой личности. «Это, – отмечает Э. Юнгер, – картина возросшего движения, сурового и не взирающего на лица. Это движение зловеще и однообразно; оно приводит в действие механические массы...» [7, с. 162].

В контексте философии культуры современная ситуация выглядит удручающе: массовая культура и массовый человек практически

не оставляют надежды на какое-либо грядущее изменение. Теоретики культуры констатируют кризис и скорейшую гибель культуры, однако сколь-либо масштабных программ «культурной реабилитации» не строят, поскольку, действительно, затруднительно реабилитировать «пораженный организм» изнутри. «...Общество... больно в своих инстинктах, – констатирует О. Шпенглер, – следовательно, и духовно. Оно не защищается. Оно поощряет свое высмеивание и разложение» [8, с. 114]. Все футурологические проекты связаны с антропологическим дискурсом и теорией преобразования человека.

Поскольку в дискурсе кризиса культуры уникальная индивидуальность противопоставляется безликой социальной массе, на этом противопоставлении начинается программа спасения культуры. В рамках экзистенциальной философии, с акцентированием ценности человеческой экзистенции, она – центр антропологической теории. Так происходит, к примеру, в философии Карла Ясперса, который мыслит человеческую индивидуальность как поле революционных преобразований в культуре. Тема работы над собой, мотив преодоления при этом играют центральную роль: «Действительным мужеством обладает тот, кто в испытываемом страхе перед достижением возможного знает: достичь возможного может лишь тот, кто хочет невозможного» [9, с. 377].

Основным инструментом изменения должен стать человек. Та глупица, которая утрачена в мире, должна быть найдена человеком в самом себе и через работу над собой привнесена в мир. «Если трансценденция скрывается, человек может прийти к ней лишь посредством самого себя», – указывает Ясперс [9, с. 377] и подчеркивает важность этой работы: каждый человек должен бороться «за подлинную сущность». Путем дистанцирования от мира, трансцендирования мира и современной культуры он в развитии собственной экзистенции должен сохранить собственную свободу и, черпая из этого источника, воссоздать вокруг себя свободный мир.

Ясперс чрезвычайно обогащает теорию кризиса своим понятием «пограничная ситуация». Первоначально формулируя его в контексте теории ценностей, он связывает таковую с переживанием крушения ценностных установок бытия и утратой «панциря», который защищает мировоззрение человека [10, S. 257–280]. В результате человек теряет способность критически смотреть на мир и становится уязвим перед внешними событиями: разрушается личность. Ясперс называет четыре такие ситуации: борьба, смерть, случай, долг и вина. Беда в том, что от пограничных ситуаций невозможно защититься: их суть в том, что мировоззрение человека не может принять их в силу противоречивости и абсурдности, они всегда потенциально опасны для личности, и если ее характеризует слабость, то мировоззренческий кризис неминуем. Для того чтобы справиться с ситуацией, человек должен выйти за границы себя, трансцендировать над своим мировоззрением и путем развития экзистенции построить на фундаменте прежнего разрушенного новое мировоззренческое ядро.

«Экзистенция» и «трансценденция», «трансцендирование» – центральные концепты философской теории кризиса. Их творческое развитие дает возможность говорить о человеке как о том, кто способен выйти за рамки кризисных тенденций, превзойти массовый порядок и самого себя и в творческом акте трансцендирования найти путь к развитию собственной экзистенции, а затем и к трансцендированию культуры и ее исцелению. Экзистенциальная традиция, таким образом, в теории экзистенции как постоянно развивающегося существования человека, его трансцендирующей сущности дает основание для развития не только теории, но и практики кризисного преобразования.

Практика кризисного преобразования

В прикладной экзистенциально-феноменологической традиции «экзистирование» и «трансцендирование» как процессы есть основной механизм преодоления кризиса на уровне личности. Это очень важный момент: мысль о том, что возможность преобразования заложена в самой природе человеческой личности. «Экзистенциализм – это подход, в котором человек всегда воспринимается в процессе становления, что означает потенциальное переживание кризиса», – подчеркивает Р. Мэй [1, с. 62]. Человеческое «я» есть экзистенция и трансценденция. Это опорный пункт терапевтического оптимизма экзистенциальной традиции: каждый человек способен преодолеть кризис, черпая силы только в себе одном, каждый способен пройти его только сам, более того, прохождение кризиса способно не просто оставить кризис позади, но преобразить личность, т.е. трансцендирование кризиса приводит к экзистированию и саморазвитию личности.

В рамках подобной трактовки в психиатрии, психотерапии и психологии переосмысливается центральный концепт фундаментальной онтологии М. Хайдеггера – Dasein. Если для Хайдеггера этот концепт указывал на явленность присутствия, «здесь-бытие», отмечал встречу с онтологическим и его «просвет», то в психиатрии, психотерапии и психологии Dasein становится «бытием», неотъемлемое качество которого и есть реакция на кризис и последующее изменение. «...Бытие – это причастие, форма глагола, которое означает, что кто-то находится в процессе бытия кем-то» [1, с. 65], – разъясняет Р. Мэй. Бытие, Dasein – поле кризиса и становления, одновременно – поле терапевтической работы.

Основания терапевтической экзистенциально-феноменологической теории кризисного преобразования разрабатываются еще в рамках психиатрии. Описывая патологическое изменение мира и «я», психиатры характеризуют его как последовательное ничтожение бытия, как кризис мировоззренческих установок, приводящих к изменениям структуры существования: к трансформациям темпоральности и пространственности. Так, еще в рамках феноменологической традиции В. Э. фон Гибзаттель пишет о блокировании существования, о разрушении временной перспективы и смыкании перспективы пространственной [11]. При этом подобное состояние расценивается не как исход личного существования,

но как временное явление, преодолеть которое может помочь терапевтическая работа.

Классическим примером теории кризиса в психиатрии становится теория метанойи Р. Д. Лэйнга. Для него психическая болезнь – не физическая поломка или патологическое нарушение, но результат социально индуцированного личностного кризиса, приводящего к разрушению оснований существования человека. Нормальный человек – тот, что в ладах с окружением, в гармонии с собой, тот, кто уверенно стоит на ногах.

Комплекс кризисных характеристик Лэйнг обозначает понятием «онтологическая надежность», представляющимся своеобразным онтологическим эквивалентом аксиологического, антропологического понятия «мировоззренческий панцирь» Ясперса. Это ряд кризисных феноменов существования, вмещающих трансформацию восприятия тела и «я», изменение границ и дереализация, словом, разрушение того, что прежде казалось незыблемым. Если нормальный человек обладает «чувством своего присутствия в мире в качестве реальной, живой, цельной и, во временном смысле, непрерывной личности» [12, с. 33], то психически больной утрачивает все, что может образовывать панцирь или фундамент. Для описания этого состояния Лэйнг использует религиозный концепт «метанойя», тем самым закрепляя за ним позитивный статус. Метанойя становится не просто состоянием, при котором человеку требуется помощь, но этапом, который должен пройти он сам и который выводит его на новый уровень экзистенциального функционирования. Он разъясняет: «Цикл метанойи представляет собой метафору путешествия внутрь и назад до достижения поворотного момента и возвращения путешественника посредством стремительного обновления, движения вперед и вовне, в мир, но без утраты “я”... Это своеобразный цикл смерти-перерождения, при котором в случае успешного его протекания человек возвращается в мир, ощущая себя родившимся заново, обновленным и перешедшим на более высокий уровень функционирования, чем прежде» [13, р. 142–143]. Впоследствии, увлекаясь натальными теориями Лэйнг сравнивает подобное состояние с рождением и называет его экзистенциальным рождением: патологический кризис не просто расценивается при этом как преодолимый, но как позитивный для человека.

Лэйнг выражает теорию кризиса в психиатрии наиболее наглядно. До него в более сжатом виде ею занимаются экзистенциально-феноменологические психиатры: Э. Минковский и В. Э. фон Гибзаттель, Л. Бинсвангер и М. Босс, – описывая патологические трансформации личности в психическом заболевании [14]. Однако, имея дело с психозами, они могли рассматривать расстройство как кризис личности, но еще не считали его всегда обратимым. В философской психиатрии, даже развивавшейся под влиянием экзистенциальной философии (впрочем, как и в самой экзистенциальной философии – например у Ясперса), психическое расстройство чаще оценивается как необратимый процесс. Такую возможность принесли 1960-е гг.: смелость трактовок антипсихиатрии (как развития экзистенциально-феноменологической волны) способство-

вала нарастанию популярности кризисной теории. Гуманитарные науки и общественность констатировали кризис общества, а психическое расстройство (будучи «другим мировоззрением») стало восприниматься как путь преодоления кризисных тенденций.

Экзистенциальная и гуманистическая психология переживала свое бурное развитие как раз в это время, и нет ничего удивительного в том, что в ней эти тенденции окончательно закрепились. Они конституировали поле своих поисков там, где не работают традиционные подходы, и где можно говорить, как подчеркивает Д. А. Леонтьев, скорее не о детерминации, а о самодетерминации [15]. Кризис стал полем ее практики, терминологическим аппаратом, в рамках которого он трактовался, стала одновременно онтологическая и антропологическая «терминология смысла». Эрвин Ялом в одной из своих работ вспоминает, что в китайской пиктограмме «кризис» сочетаются символы «опасность» и «возможность». В гуманистической психологии и экзистенциальной психотерапии кризис всегда рассматривается, как и в экзистенциальной философии: как тяжелая экзистенциальная ситуация, которая, при должной работе и помощи, может привести к развитию личности [16, с. 25].

В краткой форме словарь теории кризиса как теории потенциалов и возможностей характеризует Э. Ялом, обращаясь к самоопределению Американской ассоциации гуманистической психологии «Это, например, любовь, креативность, “я”, рост, целостный психический организм, удовлетворение базовых потребностей, самоактуализация, высшие ценности, бытие, становление, спонтанность, игра, юмор, привязанность, аутентичность, тепло, трансценденция Эго, объективность, автономия, ответственность, значение, честность, трансцендентальное переживание, психическое здоровье...» [16, с. 12]. Экзистенциальная философия говорит о кризисе как о разрушении онтологических оснований бытия человека, экзистенциально-феноменологическая психиатрия описывает его как изменение онтологического порядка существования – трансформации пространства и времени. Психология и психиатрия используют продуктивную для себя категорию «смысл», вбирающую обе эти коннотации.

«Кризис смысла», «бесмысленность», «утрата смысла» – ценностные термины, сродни терминологии пограничных ситуаций Ясперса. Одновременно это термины, которые предполагают онтологическую коннотацию. Кризис смысла означает, во-первых, что человек переживает крушение мировоззрения, утрату прежних ценностей, которые пока не заменяются новыми, а во-вторых, утрата ценностей указывает на разрыв с онтологической основой существования. При этом психология и психотерапия может работать только с качественными характеристиками последнего, которые в экзистенциальной философии обозначаются понятием «экзистенциал», т. е. с переживанием пространства и времени.

Связка «аксиология–онтология» становится методологической опорой, на уровне практики она раскрывается как связь ценностного и экзистенциального, когда наличие фундаментальных, онтологически

фундированных ценностей оказывается залогом разворачивания экзистенции человека. Она также задает уникальность практики терапии: во-первых, ценностный кризис становится условием и возможностью обращения к онтологическим основаниям бытия, а во-вторых, таким образом практика становится не только терапевтической, но и философской.

Как и в экзистенциально-феноменологической традиции, болезнь или кризис обретают ценностно-позитивное значение. В психологическом и терапевтическом словаре кризиса редко можно встретить негативно ориентированную терминологию. Не то чтобы болезнь или кризис расцениваются как безусловное благо, однако переживаемые негативные явления трактуются как исходная точка обновления, совершенствования и саморазвития личности. Негативный модус опыта здесь оборачивается позитивным опытом бытия [17, с. 54]. При этом обновление основывается не только на личностной, но и на онтологической работе.

Экзистенциальная психология и психотерапия сохраняют связь с философией и культивируют философскую составляющую собственной практики. Работа личности здесь немислима без постижения оснований бытия, прояснения глубинных смыслов, вскрытия онтологических принципов существования. В практике терапии человек кризиса становится философом-практиком. Он, можно сказать, вынужденно практикует философию. Неслучайна поэтому связь гуманистической практики терапии и психологии с философской практикой как ветвью консультирования, закономерно появление последней из недр экзистенциально-феноменологической традиции [18].

Бессилие перед кризисом, которое мы видим в философии начала XX века, сменяется в прикладной экзистенциально-феноменологической традиции решительностью и настойчивостью противодействия. Правда, противостояние кризису разворачивается не на уровне культуры, а на уровне личности. Возможно, в своих размышлениях и надеждах действительно справедлив был К. Ясперс, и преодоление кризиса возможно только через экзистенциальное преобразование человека. Во всяком случае, экзистенциально-гуманистическая психология и психотерапия показывают, что здесь нас ждет обширное поле возможной успешной работы.

Литература

1. *Мэй Р.* Открытие бытия / Р. Мэй ; пер. А. Багрянцевой. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2004.
2. *Binswanger L.* Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins (Ausgewählte Werke. Bd. 2). Hrsg. M. Herzog, H. J. Braun. Heidelberg: R. Asanger, 1993.
3. *Шпенглер О.* Человек и техника / О. Шпенглер ; пер. А. М. Руткевича // Культурология. XX век : антология. – М. : Юрист, 1995.
4. *Гришина Н. В.* Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития / Н. В. Гришина // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 42. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1167-grishina42.html>

5. *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг ; пер. А. В. Ахутина. – М. : Наука, 1989.
6. *Сафрански Р.* Хайдеггер : германский мастер и его время / Р. Сафрански ; пер. Т. А. Баскаковой. – М. : Молодая гвардия, 2005.
7. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер ; пер. с нем. А. В. Михайловского ; под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2000.
8. *Шпенглер О.* Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие / О. Шпенглер ; пер. с нем и послесл. С. Е. Вершинина. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
9. *Ямперс К.* Смысл и назначение истории / К. Ямперс ; пер. с нем. М. И. Левиной. – М. : Политиздат, 1991.
10. *Jaspers K.* Psychologie der Weltanschauungen. – Berlin; Göttingen; Heidelberg : Springer Verlag, 1960.
11. *Gebattel V. E. von.* Prolegomena einer medizinischen Anthropologie. – Berlin : Springer, 1954.
12. *Лэнг Р.* Расколотое «Я» / Р. Лэнг. – СПб. : Белый Кролик, 1995.
13. *Laing R. D.* The Study of Family and Social Contexts in Relation to the Origin of Schizophrenia / The origins of schizophrenia: proceedings of the first Rochester International Conference on Schizophrenia, March 29–31, 1967. Ed. by J. Romano. – Amsterdam; New York : Excerpta Medica Foundation, 1967. – P. 139–146.
14. *Власова О. А.* Философские проблемы феноменологической психиатрии / О. А. Власова. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2007.
15. *Леонтьев Д. А.* Экзистенциальная тревога и как с ней бороться / Д. А. Леонтьев // Московский психотерапевтический журнал. – 2003. – № 2.
16. *Ялом Э.* Экзистенциальная психотерапия / Э. Ялом ; пер. Т. С. Драбкиной. – М. : Класс, 1999.
17. *Касавина Н. А.* Экзистенциальный опыт : отчаяние и надежда / Н. А. Касавина // Философские науки. – 2016. – № 10. – С. 54–67.
18. *Борисов С. В.* Теория и практика философского консультирования : компаративистский подход / С. В. Борисов // Социум и власть. – 2018. – № 2 (70). – С. 103–110.

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии

Власова О. А., доктор философских наук, профессор кафедры истории философии

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Тел.: (812) 328-94-21, доб. 1841

Saint-Petersburg State University, Institut of Philosophy

Vlasova O.A., DSc in Philosophy, Professor of the History of Philosophy Department

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Tel.: (812) 328-94-21, доб. 1841